

Б Е Р А

Калачкава

В тихом
семейном
огне

Вера Александровна Колочкова

В тихом семейном омуте

Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63440493

В тихом семейном омуте : роман / Вера Колочкова: Эксмо; Москва;

2021

ISBN 978-5-04-116828-5

Аннотация

Хорошо, что День святого Валентина не приходится на 15 февраля, иначе это была бы катастрофа!.. Ведь именно 15 февраля стало для Таи самым неприятным днем в году, который супруг проводит не с ней, а с Маргошей, давней подругой, спасшей ему жизнь именно в этот день. Ревность и подозрения терзают Таю, но все только усугубляется, когда оказывается, что предыдущие девушки мужа были убиты! Тая подозревает Маргошу, но все ли в этой истории так очевидно?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

75

Вера Колочкова

В тихом семейном омуте

Пятнадцатое февраля нынче выпало на воскресенье, и это было большой удачей для Таи. Потому что выходной и Влад с утра был дома. И можно было рассчитывать на его помощь и поддержку. Это в прошлом году пятнадцатое февраля выпало на понедельник, и она вся измаялась, когда готовилась к вечернему застолью...

И душевно измаялась, и физически. Ну никак у нее не получались эти дурацкие пельмени такими же красивыми, как у Влада! И вообще... Зачем их лепить, если можно купить в магазине готовыми?

Но нельзя купить, и все тут. Потому что наша светлость Маргоша терпеть не может магазинные пельмени, ей домашние самолепные подавай. Без них ведь никак, без пельменей-то. Каприз у нее такой, и ничего с этим не сделаешь. Она сразу усвоила, что с Владом в этот день лучше не спорить, а сделать так, как он просит... Вернее, это не Влад просит, это Маргоша так требует.

А сегодня повезло, сегодня Влад рядом с ней. Учит ее этому нехитрому, в общем, занятию.

– Вот смотри, Таечка, это совсем просто... Мы с тобой сделали фарш по особому рецепту, ты его уже знаешь. Мы с тобой молодцы. Теперь, собственно, сам процесс... Тут нет

ничего сложного, Таечка!

– Да я знаю, Влад, знаю... Что я, не смогу пельмень слепить, по-твоему?

– Можешь, конечно. Ты все можешь, ты умница. И все равно послушай меня, посмотри, как я делаю. Кладешь в серединку фарш, соединяешь края и пальчиками по ободку, пальчиками... У тебя пальчики нежные, ловкие, красиво должно получиться, ничего тут сложного нет...

– Так и я говорю – ничего сложного нет. И все же я не понимаю, чем отличаются магазинные пельмени от домашних, Влад! Ведь их тоже чьи-то ловкие ручки лепят... Я знаю, раньше механически как-то делали, а сейчас всякие пельмени можно купить, и домашние тоже. Почему мы не можем их в магазине купить, почему сами должны сидеть и полдня лепить эти пельмени? Прямо прошлый век какой-то, ей-богу...

– Ну что ты, Таечка! Нет, это вовсе не прошлый век. Пельмени – это же дело такое... Тонкое, почти интимное. Их вкусовые качества напрямую зависят от того, с каким душевным настроением ты их лепишь... Как пальчики по краю бегают – нежно-спокойно или сердито и раздраженно... Тем более Маргошу не обманешь! Она этот душевный настрой сразу почувствует! Она с детства привыкла... Вот слушай, я тебе расскажу, как мы в детстве с ней пельмени лепили...

– Ой, да слышала я уж сто раз, господи!

– А ты еще послушай, не сердись... Знаешь, как это здоро-

во было? Это ж праздник был настоящий! Собирались обычно семьями, на весь день, с выпивкой, с баней... Садись все за стол, приступали к работе. У каждого своя задача была – кто-то тесто месил, кто-то сочни катал, кто-то был к самому процессу изготовления допущен... Можно сказать, к таинству... Мы с Маргошкой всегда соревнования устраивали, кто больше пельменей налепит! А родители за нас болели... Ну и выпивали мимоходом, не без этого. Как сейчас помню эту водочную бутылку на столе, с отпечатками мучных пальцев... Отца Маргошиного помню, Ивана Макаровича... Ох и строг был, спуску никому не давал! С моим отцом он крепко дружил... Такая светлая аура за столом складывалась, не передать! Лица у взрослых расслабленные, добрые, глаза блестят... Слышится звонкий смех... Потом, когда ели эти пельмени, уже почему-то не так весело было. А вот лепить...

– Да уж... Тебя послушать, так и впрямь хорошо...

– Да, хорошо. Потом, когда Ивана Макаровича не стало, как-то перестали за общим пельменным столом собираться. Маргошина мать в себя ушла, переживала очень. Смотрела на дочь, как на чужую, будто она была перед ней виновата в чем... Потому Маргоша часто у нас ночевать оставалась, мы выросли вместе, можно сказать. Еще и сроднились тогда, пятнадцатого февраля... Мы теперь больше, чем брат и сестра... Ну, ты и сама все понимаешь, чего я тебе снова эту историю рассказываю?

Влад замолчал, будто отстранился от нее в один миг. Только что был рядом, и нет его, исчез! Захотелось даже растормошить его, крикнуть в ухо – эй, ты куда, я здесь! Ау!

Но знала уже – нельзя тормошить. В этот день вообще резких движений делать нельзя. Потому что это особенный день, пятнадцатое февраля.

Но и оставлять его в этом небытии тоже нельзя. До вечера, до прихода Маргоши с семьей еще далеко... Успеет еще, провалится в эту страшную память по имени пятнадцатое февраля...

В тот день, как рассказывал Влад, они с Маргошей отправились на лыжах на дальнее озеро. Они дружили тогда, за партой вместе сидели, да и родительская дружба к чему-то обязывала. Хотя родители потом в недоумении пребывали – чего их на дальнее озеро вдруг понесло? И тем не менее – что уж случилось, то и случилось...

То ли течение какое-то теплое было, то ли какой-то природный катаклизм случился, но лед на озере оказался непрочным и треснул, и они сами не поняли, как покатались в эту смертельно опасную трещину... Хорошо, Влад сообразил вовремя лыжи скинуть и Маргоше успел крикнуть, чтобы сделала то же самое.

Потом они долго барахтались в ледяной воде, насмерть перепуганные. Из последних сил Влад вытолкнул Маргошу на лед... А сам пошел ко дну. И утонул бы непременно, если бы спасенная им Маргоша не сиганула за ним обратно.

Схватила за воротник куртки и вытянула наверх, и ему удалось ухватить воздух в оледенелую глотку. А тут и рыбаки на берегу появились, два мужичка деревенских, да и спасли двух бедолаг... Правда, в больнице их тоже с трудом из двусторонней пневмонии вытащили, но это уже было потом... А в тот день, пятнадцатого февраля, они заново родились, выходит. И всю жизнь теперь выясняют, кто кого спас, Влад Маргошу или, наоборот, Маргоша Влада...

Вот и сейчас он уже там, и сейчас ее в мыслях спасает. Или казнит себя, что позволил ей за ним нырнуть, ведь погибнуть из-за него могла... И конца этим терзаниям нет, и начала. Каждый раз – по одному и тому же кругу... Ну вот зачем, зачем, спрашивается? Ведь живы оба остались... Чего еще-то?

Тая вздохнула осторожно – надо как-то ненавязчиво Влада отвлечь... Как говорит подруга Юлька, бережно и со вкусом. И ничего не придумала больше, как запеть громко вслед за певцом, который в этот момент надрывался в телевизоре: «По дороге одной в разные стороны...»

Влад посмотрел на нее удивленно, но все же улыбнулся. Потом хмыкнул, проговорил насмешливо:

– Да уж, певицы из тебя точно бы не получилось...

– А я и не хочу! Я ж так, от души... Просто с утра этот мотив крутится в голове и крутится, никак отделаться от него не могу! А тут еще телевизор вдобавок, и там то же самое... А с тобой бывает такое, скажи? Чтобы привязалась мелодия

и не отпускала?

– Еще как бывает! Вот вчера, например... Ехал на работу и услышал в машине, как два мужика поют... И так расчувствовался, что подпевать начал, представляешь? Так песня запала в душу, потом весь день в голове крутилась!

– А какая песня, Влад?

– Ты хочешь, чтобы я сейчас запел, что ли?

– Ну да... А что такого? Я ж запела!

– Ну хорошо, только в обморок не падай и громко не смейся!

– Не буду! Обещаю!

Влад вздохнул, поднял глаза к потолку и запел тихо, на удивление хорошо, попадая в ноты.

– Ух ты, здорово... – восхитилась Тая. – Да ты умеешь петь, оказывается! Почему я про твой талант раньше не знала?

– Ну уж, талант, скажешь тоже... – насмешливо и немного польщенно произнес Влад. – Хотя, знаешь ли... Я ведь в студенческом ансамбле солистом был, на бас-гитаре играл... Говорили, у меня был приятный бархатный баритон – девочки просто млели! Правда, у нас песни другие были. Я ж тогда молодой еще был...

– А ты и сейчас молодой! Подумаешь, сорок с хвостиком!

– Ну, по сравнению с тобой, Таечка, молодой уже не такой молодой...

– Ладно, не кокетничай.

– Да я не кокетничаю, я ж по факту... Двадцать лет разницы с молодой женой – это много...

– Не двадцать, а девятнадцать! И не надо мне тут про всяких баранов рассуждать, которые чихать собираются! Лучше еще что-нибудь спой, а? Какую песню ты с удовольствием пел, когда солистом в ансамбле был?

– Ну, я тогда на песни Градского замахнуться успел, представляешь? Как там, сейчас вспомню, погоди... Надо настроиться...

Влад отряхнул от муки ладони, вздохнул ностальгически, запел тихо: «Как молоды мы были».

– Ты и песен таких не знаешь, наверное... – глянул он грустно на притихшую молодую жену. – А я... Как там поется – первый тайм мы уже отыграли...

– Влад, ну ты опять?

– Все, не буду. А теперь ты мне спой, если меж нас такая пьянка пошла! Как там у вас нынче говорят? Баттл?

– А я и спою! У меня еще одна мелодия в голове вертится, никак не отпускает...

– И какая же?

– Да ты не знаешь, наверное... Просто я этих артистов очень люблю...

Тая тихо запела, покачивая в такт головой из стороны в сторону:

Пока февраль, как господин.

Снимает белое пальто¹.

Влад замер, глядел на нее с застывшей на лице улыбкой. А глаза не улыбались, и Тая видела, как плещется в них настороженное недоумение – зачем ты, мол, про февраль-то... И про одиночество – зачем?

Вот же какой впечатлительный, а? Это же всего лишь песня! Хотя... В эти февральские дни он таким и становится – ранимым и впечатлительным. Как ребенок, ей-богу... На пятом десятке мужик, строительной фирмой руководит, а поди ж ты! Как настигнет его этот самый господин февраль, так и начинает мучиться!

Да и она тоже хороша... Вывела мужа из этого состояния, нечего сказать! Отвлекла! Вот он уже и за сигареты схватился!

– Я пойду, покурю на балконе... – произнес тихо, вставая из-за стола.

– Не ходи, Влад... Ты и без того с утра только и делаешь, что куришь... – попросила Тая неуверенно.

– Да я быстро! Только пару затяжек сделаю, и все!

Влад ушел, а Тая вздохнула тихо. Скорей бы уж прошло это распроклятое пятнадцатое февраля...

Влад и впрямь вернулся очень скоро, сел за стол, заговорил быстро и нервно:

– Понимаешь ли, Таечка... Тут все не так просто, как на

¹ Песня «Февраль» Анжелики Варум и Леонида Агутина.

первый взгляд кажется! Я ведь знаю, что ты обо всем этом думаешь, знаю! Зачем, мол, столько лет носить в себе какое-то там переживание из детства, давно все забыть пора! Ведь так?

– Ну... Не совсем...

– Да так, так! Но представь, что какой-то человек спас тебе жизнь когда-то, а ты не можешь ему ничем отплатить... Живешь, будто в вечном долгу...

– Да ты ведь тоже ее тогда спас, Влад! Вы оба друг друга спасали! Вы оба ничего друг другу не должны!

– Нет, ты не понимаешь, не понимаешь... Она ведь уже выбралась из воды на лед, она уже спаслась... Ей оставалось только на берег отползти, и все! Она вовсе не обязана была... Не обязана снова бросаться за мной, когда я тонуть начал... Выходит, она меня спасла, рискуя собой! Она ведь знала уже, что второй раз я ее не вытолкну!

– Да, она знала, что ты на нее свои последние силы потратил! А мог бы сам на себя их потратить, сам выбраться! Это ты ее спас, получается, Влад!

– Да, но это неважно...

– Да как это – неважно? Ты что?

– Нет, нет... Послушай меня... Она же спаслась, а потом обратно за мной сиганула! Зачем она это сделала, не пойму? Зная, что наверняка погибнет? Как так, а? Почему?

– Да потому, чтобы потом не остаться на всю жизнь с чувством вины!

– Нет, нет... О чем ты? Думаешь, у нас время было, что ли, чтобы о каких-то там последующих чувствах рассуждать? Нет, это было Маргошино спонтанное решение... Порыв... Она мою жизнь спасала... Ей важна была моя жизнь больше, чем своя собственная...

– Как и ты ее жизнь спасал. Выходит, и тебе была важна ее жизнь больше, чем твоя собственная.

– Да, но... Я же мужик! Не забывай об этом!

– А я ни на минуту не забываю, Влад... Что ты мужик, не забываю... Ты же сам не даешь мне забыть.

– Ну, я на это надеюсь, по крайней мере! – немного самодовольно улыбнулся Влад и провел мучными пальцами по ее щеке. – Но все равно, Маргошин поступок мне непонятен... До сих пор непонятен. Она же наверняка знала, что погибнет. Что мы вместе утонем... И утонули бы, если бы два случайных рыбака нас в этот момент не увидели. Если бы мы на секунду из воды вместе не вынырнули, они бы просто мимо прошли, и все... Поэтому я считаю – Маргоша меня спасла. Не я ее, а она меня. Я ей по гроб жизни должен, Таечка. А ты говоришь – пельмени... Да я готов их для Маргоши всю ночь лепить, подумай! Она ж любит домашние... Она знает, что я сам для нее их лепил...

– Значит, мне можно было не помогать тебе, да? – немного обиженно произнесла Тая и улыбнулась широко, чтобы скрыть эту нечаянную обиженность.

– А у тебя уже неплохо получается, смотри-ка... Пальчи-

ки по краям так ловко бегают...

– Да, научилась наконец... Твоими стараниями.

– Молодец. Хорошая девочка.

– Да...

– Стараешься!

– Да, да...

Вот так лучше – надо ему поддакивать. Вон, никак успокоиться еще не может...

– Получается, это теперь моя боль на всю жизнь... Носить ее в себе не переносить...

– А почему боль, Влад? Ну, долг, это я понимаю... А почему боль?

– Да потому... Ты и впрямь не поймешь, наверное. Да и не надо тебе...

– Ты ей ничем отплатить не можешь, да? То есть чем-то материальным... Не можешь? Она не берет ничего?

– Да, не берет. Материального ей и самой хватает. Да что материальное! Она ведь из-за меня... Ей тогда в больнице сказали – детей никогда не будет... Воспаление там какое-то было сильное, ей матку удалили или чего там еще... Я не силен в этих медицинских делах.

– Как это, Влад? – испуганно отстранилась от него Тая. – А Тимоша с Катенькой? Ведь есть же у Марго с Филиппом дети, Влад!

– Они приемные. Из роддома крохами брали. Кто-то отказывался, а они брали... У Филиппа в роддоме какая-то род-

стенница работает, вот и поспособствовала процессу.

– Ой, а я и не знала...

– Ты многого еще не знаешь, Таечка. Да и не надо тебе, в общем... И без того я тебя этой своей проблемой загружаю.

– Что ж, теперь мне понятна твоя боль, Влад... И чувство долга понятно, и чувство вины неизбывное...

– Да. Спасибо за понимание. Ничем я Марго отплатить не могу. Остается только один этот день – пятнадцатое февраля...

Они замолчали, а руки споро делали свое дело. Молчать было хорошо – было в этом что-то объединяющее. Любовь, наверное. И еще есть одно хорошее, емкое слово – взаимопонимание. Когда жена понимает своего мужа, а муж – жену...

А еще ей вспомнилось вдруг, как легкомысленно она отнеслась к пятнадцатому февраля в первый год их совместной жизни. Какие наивные вопросы задавала Владу – например, какое ей платье надеть в этот день. И как впервые столкнулась с его болезненным отношением к этому дню... Да и не только этот день был нервно-болезненным, а и весь февраль, и надо было учиться переживать и проживать это время. Даже день свадьбы они не отмечали так серьезно, как это пятнадцатое февраля! Прямо испытание какое-то, честное слово. Когда твой любимый муж смотрит на тебя и будто не видит и в мыслях исчезает куда-то... Уходит из поля зрения. Ау, Влад, где ты...

После первого пережитого февраля у нее даже опасная

мысль мелькнула – может, он Маргошу любит безнадежно и тайно? Хотя зачем тогда на ней женился, с какой такой целью? Маргошу забыть?

Потом сама себя успокоила – ерунда все это, неправда. Маргоша ведь замужем, и все у нее в семье хорошо. Муж Филипп добрый и замечательный, двое чудесных деток. Со временем и еще больше убедилась – не любит он Маргошу, нет... В том самом смысле – не любит. Просто это господин февраль его так мучает, приносит с собой страшные воспоминания. «Ужасная подростковая травма», как выразилась мама Влада.

Хотя, если исключить из жизни этот февраль... Вернее, сжать зубы да пережить как-то эти дни... Ведь все же у них замечательно! Все отлично, и придумать лучше нельзя! Как говорят ее подруги Улька и Юлька, когда приходят в гости, – шоб я так жил! Хорошая большая квартира, достаток, поездки в отпуск на острова... А главное – у них любовь есть! Она ж по любви вышла замуж, нельзя забывать! Да и как забудешь, если все как в сказке про Золушку было...

* * *

Влада она увидела, когда пришла устраиваться на работу. Секретаршей. А он был тем самым руководителем, которому нужна была секретарша. И смотрел он на нее пытливо и строго – сейчас, мол, я разберусь, что ты собой представля-

ешь...

Она смутилась – жуть! Сидела, вся скукожившись, отвечала невпопад на вопросы и к концу собеседования совсем уверилась, что на работу ее не возьмут. А Владислав Александрович – так она его почтительно называла поначалу – вдруг произнес решительно:

– Завтра можете приступить к своим обязанностям, и не опаздывайте, пожалуйста, я этого не выношу! Сам всегда прихожу ровно в половине девятого, и вы должны быть на месте... Вы меня поняли, Таисия? Надеюсь, недоразумений на эту тему не возникнет?

– Нет. Не возникнет. Я и сама опаздывать не люблю.

– Вот и отлично... Кстати, а почему вы решили на секретарское место устроиться, ведь у вас диплом колледжа есть?

– Да, я закончила колледж дизайна. Только на работу по специальности устроиться не могла.

– Почему?

– Потому что никому не нужны дизайнеры без опыта работы... Вот вы бы доверились такому дизайнеру, например?

– Нет... Нет, пожалуй.

– Ну, все так примерно и рассуждают... И никто не хочет быть первым подопытным... Понимаете?

– А как же другие устраиваются без опыта?

– Да кто как... В основном по благу. Или к родственникам. Или еще как-нибудь. Ищут какие-то варианты.

– А у вас, стало быть, ни блага, ни удобных родственни-

ков, ни вариантов нет?

– Да, так...

– Но мама с папой у вас ведь есть?

– Да, есть. Но они совсем в других сферах работают. Мама учитель в школе, а папа... Папа сейчас на инвалидности дома... Я потому и в институт поступать не стала, чтобы поскорее специальность получить и начать зарабатывать. Родителям хотела помочь. А получилось не очень... Я ж не знала, что нынче с дизайнерами такой перебор!

– Да, это точно... Нынче, куда ни плюнь, обязательно в дизайнера попадешь или в юриста. Зато секретаря толкового очень трудно найти, уж поверьте. Надеюсь, вы будете хорошим секретарем, Таисия.

– Я постараюсь, Владислав Александрович.

– Да, старайтесь. Завтра вас жду на работе.

О, как она тогда готовилась к своему первому рабочему дню! Весь свой гардероб перетрясла, не знала, как правильно одеться. Хотя и перетрясать особо нечего было, бедненький был гардероб, надо признать. Если только классический вариант выбрать – белый верх, черный низ... Но единственная в хозяйстве белая блузка выглядела уж совсем простенько. А может, чем проще, тем лучше? А вдруг Владиславу Александровичу ее затрапезный вид не понравится? Хотя, наверное, ему все равно, как будет выглядеть его секретарша... Лишь бы работала хорошо, это главное. А она будет хорошо работать, она будет очень стараться...

Но эти правильные мысли почему-то не успокаивали. Очень хотелось еще и выглядеть хорошо. Более того – хотелось ему понравиться. Не просто в качестве хорошей секретарши, а...

А как еще? Что она себе такое надумала? Сама себя заранее приговорила к тому самому классическому варианту отношений меж начальником и секретаршей? Да как ей не стыдно вообще...

Стыдно. Ужасно стыдно. Но что делать, если он, этот начальник... Если он так ей понравился! Оттого и сидела на собеседовании, как дурочка с переулочка, краснела от каждого слова и глаз на него не могла поднять. Никогда с ней не случалось такого казуса, всегда была смелой и открытой... Да как он ее на работу взял, такую неуклюжую?

– Ой, ой... – недоверчиво глянула на нее подруга Ульяна, когда рассказала ей вечером о своих переживаниях, – я вся такая внезапная, такая противоречивая вся... Да ты просто влюбилась в него, так и скажи! Взяла и с первого взгляда влюбилась! Он ведь не очень старый, надеюсь?

– Совсем не старый! Он такой... Он... Сама не знаю, какой!

– Ну сколько ему лет хотя бы?

– Да лет сорок...

– Он высокий? Красивый? Спортом занимается?

– Не очень высокий... И не сказать, чтобы сильно красивый... И про спорт ничего не могу сказать. Он же в костюме

был, кубики на прессе мне не показывал.

– А вот что влюбилась тогда?

– Ну не в кубики же, Уль... Понимаешь, он просто человек такой... Вроде очень серьезный и в то же время такой обаятельный... Он говорит что-то, а мне улыбаться хочется. И сделать для него что-то хорошее хочется. Ну, чтобы он мной доволен был...

– А он доволен тобой?

– Да откуда я знаю! Я ж еще к работе не приступала!

– А ты сама как чувствуешь? Понравилась ему? Ну... В этом смысле? Как женщина?

– Нет... Нет, скорее всего. Да я думаю, у него этих женщин – хоть пруд пруди. Он ведь не женат...

– У-у-у... Бабник, значит. Совсем плохо.

– У него жена погибла в аварии, он вдовец!

– Ну и что? Как будто вдовец не может быть бабником!

– Да ну тебя... Я уже жалею, что все рассказала!

– А чего ты мне рассказала? Тебе и нечего еще рассказывать... Вот пройдет месяца два, а там посмотрим! Может, и обсудить уже будет чего...

Но обсуждать ничего не пришлось. Ни через два месяца, ни через три. И даже через год. Она ходила на работу, исправно выполняла свои секретарские обязанности. Владислав Александрович был ею и впрямь доволен. По крайней мере, замечаний не делал. Но и никаких мужских поползновений тоже.

А она тихо мучилась, что ж. Даже самооценка снизилась ниже плинтуса. Думалось почему-то с обидой – неужели даже до того пресловутого непристойного предложения она недотягивает? Хотя в душе сознавала, конечно, что это хорошо. Было бы хуже, если бы вдруг непристойные предложения имели место быть...

С подругами, Улькой и Юлькой, она своего начальника больше не обсуждала. Они спрашивали первое время, что да как, а потом перестали. Ее это устраивало, в общем... Потому что даже подругам она не могла сказать, что с ней на самом деле происходит. Казалось, что и слов подходящих для этого не найти...

Сама же, наоборот, прекрасно понимала, что с ней такое. Это ж любовь, настоящая любовь. Когда утром просыпаешься с мыслью о нем, вечером засыпаешь с той же мыслью... И видишь его каждый день, и слушаешь, и поручения выполняешь.

О, как же она старалась исполнять его поручения! Если сказал – не пускать ко мне никого, то все, мышь мимо ее секретарского стола не проскочит!

А как переживала, если вдруг замечала, что он плохо выглядит, если темные круги под глазами от усталости появились! А сколько раз покушалась принести ему поесть что-нибудь вкусное-домашнее! И приносила, и даже до двери его кабинета доходила, неся контейнер с домашними котлетками в руках. Бралась за ручку двери и тут же останавливалась

и шмыгала за свой секретарский стол, чтобы он не увидел! Так ни разу и не угостила его «домашним», духу не хватило.

А как старалась прилично и скромно выглядеть! Чтобы и нарядно было, и в глаза не бросалось. И ничего больше, кроме строгой блузки да юбки-карандаша, придумать особо не могла. Один раз купила платье – вроде ничего, вполне себе элегантно... Но тоже надеть не решилась, так и провисело оно в шкафу. Ругала себя за эту нерешительность, но ничего поделаться с собой не могла!

А еще она не переносила на дух Кристину Альбертовну, главную бухгалтершу. Не переносила, потому что эта самая Кристина Альбертовна явно положила глаз на Владислава Александровича, так и шныряла к нему каждый час, так и шныряла! Еще и одевалась всегда так вызывающе... И губы красила яркой красной помадой. Такой яркой, что фу! Будто она не главная бухгалтерша, а продажная девица! Хотя на девицу, и даже на продажную, Кристина Альбертовна никак не тянула – недавно только ей сороковник отметили, вечеринку грандиозную устроили, на которую Владислав Александрович и вовсе не пришел, вот так вот! Зря старалась Кристина Альбертовна, потому что начальника в этот день после обеда срочно на объект вызвали, и он на фирме не появился больше...

Правда, эта настырная тетка все же решила на следующий день реванш взять, приперлась к нему в конце дня с шампанским, вся из себя разодетая и покрашенная. Еще и богатое

хозяйство из декольте откровенно наружу вывалила – даже смотреть неприятно. Проходя мимо ее секретарского стола, промяукала ласково так:

– Иди домой, Таечка, иди... Рабочий день ведь закончился, что ты сидишь как приклеенная?

И шась сразу – к директору! И замяукала уже там, заговорила что-то про свой день рождения, про шампанское...

У нее даже спина от напряжения взмокла – неужели добьется-таки своего эта приставучая тетка? Вот же наглая какая, а? Еще и ее домой отправляет – давай, мол, уходи быстрее, мешаешь!

А вот не уйдет она никуда! Будет сидеть, и все. В конце концов, начальник еще на месте – вдруг он ей какое-то задание даст?

Очень хотелось подойти к двери и послушать – как она там его охмуряет... Но сдержалась, не подошла. Еще чего – до подслушивания с подглядыванием докатиться. Дождалась, когда бухгалтерша выйдет... И от сердца отлегло – лицо у этой дамочки было вконец разочарованное. А у нее, наверное, довольное лицо было, потому что Кристина Альбертовна на нее тут же накинулась:

– Ну что ты сидишь, что! Я же сказала тебе – домой иди! Надо всегда делать, о чем тебя просят, милочка!

– А меня Владислав Александрович еще не отпустил... Мой рабочий день еще не закончился, – ответила ей почти весело.

– Да знаю я твою работу... – наклонив к ней злое лицо, тихо прошипела Кристина Альбертовна. – Думаешь, я не вижу ничего, не понимаю, что ли? Скромностью своей хочешь его взять, да? Только можешь не стараться, милая... Ему вообще никто не нужен, похоже. Только время потеряешь, как я...

Кристина Альбертовна ушла, а она вдруг задумалась. В самом деле, чего она хочет? Ведь может случиться и так, что Владислав Александрович вообще никогда не посмотрит в ее сторону...

Какое это ужасное слово – никогда. Убивающее все робкие душевные надежды. Только саму любовь этим «никогда» не убьешь, вот в чем засада. И что теперь делать, интересно?

Да ничего не делать, что ж. Так и жить дальше. И любить... Неразделенная любовь – тоже любовь, между прочим.

Тот день не обещал с утра никаких неожиданностей. Так и бывает всегда – чудеса случаются, когда их не ждешь. Или перестаешь ждать...

Владислав Александрович вышел из кабинета, сел за стол рядом с секретарским столом, аккуратно напротив нее. И спросил тихо:

– Вы не могли бы сегодня со мной поужинать, Тая?

– Поужинать? А что случилось, Владислав Александрович?

– Да ничего не случилось... Просто я голодный, а дома у меня нет ничего. Хоть шаром покати, представляете? Еще

и холодильник сломался, а новый купить руки не доходят... Вот и приходится в кафе каждый день ужинать, представляете?

– А... При чем тут я? Не понимаю...

– Да что тут понимать, Таечка? Просто компанию мне составите, и все. Но если вы не хотите...

– Нет, нет! Я хочу! Я пойду, конечно! Что вы! Я обязательно с вами пойду!

Да уж, глупее поведения не придумаешь. Сначала выгнута кошкой – что случилось, при чем тут я, не подходи! Потом захлопала крыльями, заторопилась – я хочу, я пойду, что вы... Ну почему в таких случаях человеку всегда спокойного достоинства не хватает?

А потом оно все как понеслось, только успевай держаться на поворотах! Потому что на том самом ужине в кафе Владислав Александрович сделал ей предложение! Очень деловито сделал, проговорил прямо в лоб:

– Я хочу, чтобы вы стали моей женой, Тая. Если вы не против, конечно. Вот, я даже кольцо принес... Надеюсь, угадал с размером...

Она уставилась на это кольцо, будто увидела скорпиона в коробочке. Нет, внутри все пело от неожиданно свалившегося счастья, да только глаза не верили... Как это все так – в один миг? Что за «сбыча мечт» такая? Может, это ей снится? Может, надо ущипнуть себя, да посильнее?

– Тая... Почему вы молчите? Ответьте же мне что-ни-

будь...

– А... Что я должна ответить, Владислав Александрович?

– Как это – что? Очень просто должны ответить – да или нет...

– Да... Конечно же, да! Это я просто растерялась немного. Извините. Так растерялась, что вообще все слова перезабыла...

– Спасибо, Тая. Я очень рад. Давайте я вам кольцо на палец надену... Ага, подошло вроде... Вам нравится?

– Да, подошло. Очень красивое. Я никогда такого не носила...

Камешек блестел в свете люстры, искрился заносчиво. Она вдруг догадалась – это же бриллиант, наверное... Бешеных денег стоит... Знала бы, на маникюр бы вчера сбегала! Или чего это она – про маникюр? Тут такое творится, а она... Об ерунде какой-то...

И ляпнула от чистого счастливого сердца:

– Я вас так люблю, Владислав Александрович! Давно люблю... С тех пор, как увидела... И ни за что бы вам не призналась, если бы вы сейчас... Мне не сказали... То есть предложение бы не сделали...

– Правда? – глянул он на нее так радостно, будто услышал бог знает какую счастливую новость. – А я не замечал, идиот этакий... И я тебя люблю, Таечка. Вот так и бывает в жизни, что понимаешь как-то вдруг... Посмотрел на тебя однажды утром и понял, что люблю. Какое-то озарение на меня

нашло счастливое, да. Почему ж я раньше это не понимал, сам не знаю! Ты такая милая, такая вся... Искренняя и нежная... Тебя просто нельзя не любить! Ну, чего ты на меня так смотришь? Смущаешься, что я тебя на «ты» называю? Ведь мы теперь... Естественным образом... Не могу же я к своей невесте на «вы» обращаться, правда?

– Да... Да, конечно! А вы... Вы когда это решили...

– Во-первых – ты когда решил! Говори мне «ты»! А во-вторых – что я решил, Таечка?

– Ну... Когда ты мне решил предложение сделать?

– Не помню... Решил и решил. Разве это так важно?

– Нет, совсем неважно, Владислав Александрович. Ой...

То есть... Как мне теперь вас... Тебя называть...

– Владом. Владиком. Володей. Как тебе больше нравится, так и называй.

– А на работе? Не могу же я вас... То есть тебя... Владиком звать!

– А ты больше не будешь работать, Таечка.

– Как это? А что я буду делать?

– Дома сидеть, очагом заниматься. Хотя бы первое время.

Уж очень сильно поостыл мой домашний очаг... А потом посмотрим со временем! Если захочешь работать, я помогу тебе устроиться по специальности. Но пока об этом не думай... Да, я же тебя не спросил! Может, тебе подумать надо над моим предложением?

– Нет... Нет, мне не надо думать. Я согласна. Я так счаст-

лива сейчас... Я поверить не могу...

– Давай ты все же подумаешь до завтра, Таечка. Оставим все до утра... Сейчас я отвезу тебя домой, и ты подумаешь. Хорошо?

– Да, конечно... Но я не передумую, ни за что не передумую... И не надейся...

Всю ночь она не спала, ворочалась, не могла никак утихомирить разгулявшееся внутри счастье. Оно ведь свой праздник справляло, пело и плясало во всю прыть и просилось выйти наружу, чтобы все его видели! Может, надо было маме с папой сказать? Или Ульке с Юлькой? Или нет... Хорошо, что никому пока не сказала. Пусть пока в ней побудет, а она к нему привыкнет немного...

А потом на нее страх напал – вдруг он сам за эту ночь передумает на ней жениться? А что? Возьмет и передумает... И что она тогда будет делать? Несчастной на всю жизнь останется? Господи, скорей бы уж утро наступило и можно было на работу пойти, увидеть его...

Утром она проспала. Первый раз за все время опоздала на работу – надо же было такому случиться! Когда бежала по коридору в приемную, увидела двух девчонок из бухгалтерии, Машу и Светочку, и они вдруг бросились к ней с вопросами и восклицаниями:

– Таечка, вот это да! Вот это новость, все только об этом и говорят с утра! А на нашу Кристину Альбертовну прямо смотреть жалко, как она разозлилась! Уже напала на нас с

утра, успела сорвать досаду! Ну ты даешь, Таечка... Такая тихоня, а смотри-ка, прибрала к рукам нашего начальника! И как тебе это удалось, поделись с нами секретом, а?

Тая слушала их, распахнув глаза, улыбалась глупо и не знала, что сказать. Потом повернулась, пошла быстро в приемную. Зайдя в кабинет к Владиславу Александровичу, проговорила растерянно:

– Они... Они там все знают уже...

– Доброе утро, Таечка! – расплылся в улыбке Владислав Александрович, закинув руки за голову. – Доброе утро, милая! Да, они уже все знают, я сегодня на оперативке объявил, что женюсь на тебе...

– Как это – объявил? Что, так и сказал – женюсь?

– Ну да... А как еще по-другому?

– А зачем? Зачем ты им сказал?

– Как это – зачем? Все же должны знать, что ты последний день работаешь... Пусть все свои вопросы за день решают. А как иначе? Пока я нового секретаря найду...

– А я последний день работаю, значит?

– Ну да... Разве мы об этом вчера не договорились? Ты когда сможешь ко мне переехать? Может, прямо сегодня? Да, надо ведь еще к родителям твоим нагрнуть, руки твоей попросить... Как они, за порог меня не выставят?

– Нет... Нет, конечно! Они рады будут...

А вот тут она не права была – родители такому повороту событий вовсе не обрадовались. Особенно не обрадовал-

ся отец. После ухода Влада молчал долго, потом заговорил сердито:

– Не понимаю я тебя, Таисия, вот не понимаю! Ты что, специально его охмуряла, что ли? Анекдотическая какая-то ситуация – начальник решил жениться на своей секретарше!

– Нет, я вовсе его не охмуряла, пап... Наверное, он сам догадался, что я...

– Ну что? Что ты?

– Что я его просто люблю! Я с первого дня его люблю, как увидела!

– А он тебя?

– Так и он меня любит... Если предложение сделал...

– Не факт, не факт! А тебе не кажется, что он твоей молодостью да глупостью соблазнил-ся, а?

– Пап... Ну что мне, шестнадцать лет, что ли?! Мне двадцать третий год пошел!

– Ой, как много, с ума сойти! А на сколько он тебя старше, ты не посчитала?

– Да нормальная у нас разница в возрасте... Да это и неважно совсем...

– То есть как это неважно? Вот как ты теперь будешь жить, скажи? Так и останешься навечно в его секретаршах? Или совсем с работы уйдешь? Да он и сам не захочет, поди, чтобы ты работала!

– Да, пап. Он не хочет, чтобы я работала...

– Ну! А что я говорил! А чего он хочет? Дома тебя запе-

реть?

– Ну почему сразу – запереть! И дома всегда много работы найдется!

– Вот-вот! Нынче так все бездельницы и рассуждают! Ищут себе богатых мужей, чтобы самим не работать! Да разве мы тебя так воспитывали, Таисия? Думали, ты свой путь найдешь, а ты...

– Да отстань от нее, Петь... – подала тихий голос мама, – что ты к ней привязался, ей-богу?

– Я привязался? Да я вообще могу замолчать, если так...

– Ну не обижайся, Петь! Просто тебе нельзя нервничать, опять давление поднимется! Я же за тебя переживаю, Петь...

– А что мне делать прикажешь, а? Радоваться, что мы дочь-бездельницу вырастили? Дожили до светлых дней, что еще скажешь! Наша дочь – игрушка в руках мужика! Поиграет с ней год-другой, потом другую игрушку себе найдет, более молодую! Тут и сказочке конец! Что, разве не так?

– Да не найдет он себе другую, пап... – неуверенно возразила Тая, вздохнув и опустив голову.

– Да почему ты так решила? Вот где его бывшая жена, скажи? Поди, отставку ей дал, слезы сейчас в три ручья проливает!

– Нет, пап... Она умерла.

– О как! И отчего же, интересно мне знать?

– Ее машина сбила, когда она дорогу переходила. Водителя того не наши, он скрылся...

– Это он тебе так рассказывал, что ли?

– Нет... Сотрудники на фирме... Да и мама его рассказывала...

– А ты уже и с мамой знакома, выходит?

– Да я только вчера с ней познакомилась! Вернее, Влад нас познакомил...

– Понятно, что ж... Наш пострел везде поспел. Ну и что, шибко ты старалась понравиться его матери?

– Я не старалась, но... По-моему, понравилась, да. Она очень хорошая женщина и приняла меня хорошо.

– Ишь как охота за богатого мужика замуж сходить! Уже и матери его дифирамбы петь готова!

– Петь, прекрати... Не могу больше этого слышать, Петь! – снова вступилась за дочь мама, и голос ее на этот раз был более решительным. – Ну сколько можно талдычить одно и то же!

– Это я, что ли, талдычу?

– Да, ты! Трындишь, как старая бабка! Отстань от нее, тебе говорю! Это ее выбор, пусть делает что хочет! И замуж выходит за того, за кого хочет! Мы ей в этом деле не указ, понимаешь ты это или нет?

– Как это – не указ? А кто мы ей, не родители, что ли? Не родные мать с отцом, а двоюродные? Мы должны в сторонке стоять, по-твоему?

– Да, в сторонке стоять! Мы ее вырастили, образование дали, и все на этом! Наша родительская власть закончилась!

– Ишь ты, образование... Да какое ж это образование? Так, ни к селу ни к городу! Профанация! Я понимаю, если б она институт закончила... Но она ведь даже поступать туда не захотела! И теперь я знаю почему! Она сразу в секретарши наметилась, чтобы богатого начальника себе в мужья ухватить! Поди, еще и любовницей его сразу стала, а?

– Ну пап... Ну зачем ты так... Неправда это...

Тая всхлипнула от обиды, махнула рукой, убежала в свою комнату плакать. А у родителей без нее началась уже настоящая ссора с выяснением отношений.

– Да как ты можешь так разговаривать с дочерью, совести у тебя нет! Пусть делает что хочет, это ее дело, понял? – горячилась мама, захлебываясь словами. – И молодец, что обеспеченного мужа себе нашла, и умница, и все правильно сделала! Не будет теперь копейки считать, нормально жить будет! Это я... Эти копейки считала... Лишние колготки себе купить не могла...

– А зачем они тебе – лишние? – неуверенно спросил папа. Чувствовалось, что он очень растерялся перед маминым натиском.

– Чтобы были, вот зачем! У нормальной женщины лишних колготок не бывает, ясно тебе или нет?

– Ну так и покупала бы... Что я тебе, запрещал?

– Нет, не запрещал. Не в этом же дело.

– А в чем? Ты хочешь сказать, что я мало зарабатывал, что ли?

– Мало, Петь... Мало.

– Да я... Да я же... Ты что сейчас говоришь такое, а? Да я же, пока не заболел, нормальные деньги в дом приносил! Не больше и не меньше других! Как ты так говорить можешь, не стыдно тебе?

– Не стыдно, Петь. Это ты верно сейчас сказал – не больше и не меньше... А сколько на самом деле, уж лучше я промолчу...

– Ага! Вот, значит, как ты заговорила! Значит, тебя с самого начала ничего не устраивало! А теперь и вовсе, что ж... Теперь я инвалид, на шее у тебя сижу! Теперь меня по полному праву можно упрекнуть в полной мужицкой несостоятельности! С этого бы сразу и начинала, чего уж! Я бы тогда не распинался тут, я бы растекся киселем благодарным... Ах, доченька, молодец, что на чужое богатство польстилась, правильно делаешь, доченька... Богатством теперь, значит, человеческие отношения меряются! Любовь и уважение к человеку теперь не в чести, на задворках остались! Так бы и сказала мне сразу, что стыдишься меня...

– Ну перестань, Петь, чего ты... – начала сдаваться мама. – Ты же знаешь, что я тебя любила и люблю... Я ж тебя ни в чем не упрекаю, Петь, что ты...

– Да как – не упрекаю? Только что упрекнула! Оказывается, ты со мной не жила, а без лишних колготок маялась! Что, разве не так?

– Не так, Петь, не так... То есть... Я хотела сказать...

Тая быстро утерла слезы со щек, поспешила на помощь маме. Надо было прекратить эту ссору, иначе неизвестно, куда дальше дело пойдет. Папа вообще может обидеться и уйти из дома надолго. А ему нельзя надолго, ему надо вовремя лекарства принимать...

– Мам, пап! Послушайте меня, пожалуйста! Давайте уже договоримся как-то, хорошо? – почти весело заговорила она, тихо удивляясь, как легко дается ей эта веселость. – Давайте сойдемся на том факте, что я все равно выйду за него замуж! И вовсе не из-за денег, пап, поверь мне! А потому, что очень его люблю! И вообще... Мне ведь правда замуж пора, чего ждать-то?

– Да уж, чего ждать... – грустно улыбнулась мама, глядя на нее с теплотой. – В мое молодое время девица на двадцать третьем году жизни перестарком считалась... Мол, если к этому времени жениха себе не нашла, то уж и не найдет...

– Да сейчас таких понятий уже нет, мам! Сейчас все по-другому! Просто у меня так получилось... Влюбилась, и никого мне больше не надо. И я счастлива, что выхожу за любимого человека замуж!

– Да я рада, доченька, рада! От души за тебя рада! Это вон папа наш... Кобенится чего-то. А чего – и сам не знает.

– Да почему не знаю-то? Прекрасно знаю! – снова взъерился папа. – Не нравится мне этот хмырь, вот и все! Он же тебе в отцы годится, Таисия!

– Да какие отцы, Петь! – снова встала на защиту дочери

мама. – Мужуку всего сорок с небольшим! Тем более он не женат... И не виноват в том, что овдовел рано... Все, Петь, все! Смирись, Петь. Давай лучше обсудим, как сватью нашу будем встречать... Таечкин жених сказал, что мать свою завтра в гости к нам приведет, помнишь? Ну, чтобы мы познакомились...

– Да как встречать, нормально будем встречать! – уже более миролюбиво произнес папа. – Пирогов напечем, водочку клюквенную на стол поставим... Мы люди простые, у нас кулинарных изысков в доме не водится. Чем богаты, тем и рады, как говорится! А не нравится – вот бог, вот порог...

– Ну, пироги так пироги... – согласилась мама. – Тогда я тесто с вечера поставлю, покупное не буду брать. На своем тесте вкуснее получается. Можно еще гуся с яблоками запечь... Помнишь, как на Рождество делали?

Тая молчала, переводила глаза с маминого лица на папино. Даже дышать боялась – не спугнуть бы это счастливое перемирие. Как-то еще завтрашний вечер пройдет, когда Нина Аркадьевна, мама Влада, в гости зайвится? И ведь не откажешь, она сама попросилась. Наверное, захотела на будущих родственников посмотреть. Как-то папа себя с ней поведет? Вдруг такие же вопросы задавать будет – не для баловства ли какого ее сын мою дочку замуж берет...

Зря она переживала – знакомство прошло на ура. Нина Аркадьевна очаровала и маму и папу. А папу особенно – он как-то подобрался весь, подтянулся, ухаживал за гостьей,

как настоящий гусар. Тая видела, как мама смотрит на него удивленно и улыбается втихомолку – надо же, мол, давно таким своего мужа не видела...

А в папу и впрямь настоящий гусар вселился, и шутки оказывались довольно смешными, и комплименты к месту. Нина Аркадьевна наклонилась к уху Таи, произнесла тихо:

– Какой очаровательный у тебя батюшка, Таечка...

Мама услышала, улыбнулась. Нина Аркадьевна и ей ответила комплимент:

– Никогда таких вкусных пирогов не ела, Надежда Константиновна!

– Можете просто Надей меня называть, Нина Аркадьевна... – благодарно улыбнулась мама. – Мы же с вами родственники теперь, две душевные сватьяшки... Разве не так?

– Да, так! Конечно же так! И вы тогда меня просто Ниной зовите! Договорились?

– А меня Петей! – тут же подхватил папа. – Давай за это выпьем, дамы! Так сказать, за родственное сближение! Милости просим к нам, Нина, в любое время в гости заходить! Вот так вот, запросто, без обиняков и предупреждений! Всегда рады будем, да!

– Спасибо... Петя, – с трудом произнесла Нина Аркадьевна и тут же поправилась: – А можно я буду вас Петром называть? Как-то более уважительно звучит...

– Ну, это же как в пословице! Как хошь назови, только в печь не ставь! А с именем мне и впрямь не повезло, согла-

сен. Ассоциации какие-то... Нехорошие. Вот у вас имя очень красивое – Нина... И еще... Заранее извиняюсь за хамство, конечно... Неудобно про возраст спрашивать, но очень уж интересно...

– Да отчего ж неудобно? Очень даже удобно! – махнула рукой Нина Аркадьевна. – Мне шестьдесят восемь недавно исполнилось, только и всего! Это ж не возраст для уважающей себя женщины, правда?

– Шестьдесят восемь? – дружным хором переспросили папа и мама, распахнув глаза от удивления.

– А сколько, по-вашему, мне должно быть? – польщенно рассмеялась Нина Аркадьевна. – Если мой сынок пятый десяток разменял? Не шашнадцать же, правда?

– Ну да, ну да... – закивал головой папа, – все так, конечно... Да только выглядите вы так молодо, что... Оттого мой хамский вопрос сам по себе и напросился, понимаете ли! Сижу и мучаюсь, и все думаю – как же так... Если возраст вашего сына за основу взять...

– И правда, Нина, правда! – восхищенно произнесла мама, всплеснув руками. – Я бы вам больше пятидесяти ну никак не дала! Да что там пятидесяти... Мне сорок пять, а вы моложе меня выглядите! Как вам это удается, интересно? Раскройте секрет?

– Да нет никаких секретов... Просто я очень легко живу. Быстро забываю все плохое, а хорошему бурно и с удовольствием радуюсь. Вот и сейчас у меня большая радость – мой

сын влюбился и жениться решил, и счастлив... Разве этого мало, скажите?

– Да не мало, конечно... – вздохнула мама. – А только на таком счастье и молодость не удержишь надолго... Все равно ведь у вас какие-то секреты есть, признавайтесь!

– Да есть, есть еще несколько маленьких секретиков, я вам потом расскажу, Надя... И вообще, я вами займусь, и вы будете выглядеть хорошо и молодо! Что это за возраст для женщины – сорок пять? Девчонка совсем... Да и фактура у вас хорошая, надо только чуть подправить... Немного похудеть, к хорошему косметологу попасть да прическу сменить. И вообще весь имидж сменить и гардероб... Займусь я вами, Надя, ой займусь! Держитесь!

Надо сказать, слово свое Нина Аркадьевна сдержала. Через полгода маму было не узнать – совсем другой человек... А Влад папе очень помог, отправил его на лечение в Израиль. Папа через полгода приехал тоже совсем другим человеком! Даже группу инвалидности с него сняли, сказали, вполне здоров. Папа обратно на свой завод вернулся, где его и приняли с радостью – чудо, мол, с вами случилось, Петр Георгиевич, настоящее чудо...

Но это было потом. А сначала была свадьба. Довольно скромная, если судить по количеству приглашенных – их было очень мало. И довольно шикарная, если судить по меню в ресторане, где праздновали торжество. И если по платью ее судить... Платье было просто блеск. Подруги Улька с Юль-

кой, когда ее увидели, чуть в обморок не упали. Юлька даже произнесла немного обиженно:

– Вот же тихоня ты, Тайка, мечту мою украла! Я себя в таком платье только во сне увидеть могу! А ты, смотри-ка... Тихой сапой...

– Не культивируй в себе чувство зависти, Юлька! – весело произнесла Улька. – Оно ж такое коварное, зараза... Родится внутри тебя и расти начнет! И превратишься ты со временем в злющую завидушую тетеньку!

– Да сама ты тетенька! Скажешь тоже!

– Тихо, девочки, тихо... – смеясь, вторглась в их диалог мама, с любовью оглядывая дочь-невесту. – Ишь, тетеньками они не хотят быть... Никуда от времени не денетесь – и тетеньками будете, и старушками...

– Ну спасибо на добром слове, тетя Надь! – рассмеялась Улька.

– Да на здоровье, что ж... А Таечка сегодня и впрямь просто прелесть, правда? И глазки такие счастливые...

– Ну еще бы! – пробурчала в ответ Юлька, но уже без обиды. Она вообще была необидчивой и беззлобной, просто на нее нашло чего-то вдруг в одночасье... Да и то хорошо, что искорка зависти не затаилась внутри, а сразу выплеснулась эмоцией и погасла тут же...

После свадьбы началась новая жизнь. Она будто узнавала Влада заново – теперь он был уже не тем строгим начальником, в которого она была тайно влюблена, он был ее мужем,

и к этому еще надо было привыкнуть.

Но к счастью ведь быстро привыкаешь, правда? К нежности, к щедрости, к счастливой беззаботности... Она и не представляла раньше, какое это прекрасное ощущение – беззаботность.

Нет, она не была ленива, не валялась в постели до полудня. Она поднималась раньше мужа, чтобы успеть приготовить ему завтрак. И деньги боялась первое время тратить, спрашивала у него разрешения по всяким пустякам – а можно мне то сделать в доме или это купить... Спрашивала, пока он не рассердился и не объяснил ей обстоятельно, что это она теперь в доме хозяйка, она молодая жена, в конце концов! И право имеет не только на то, чтобы не спрашивать разрешения на покупки, но и на то, чтобы он капризы ее исполнял! Ведь так положено молодой жене, правда?

Постепенно она привыкла, освоилась в новой жизни. Хотя капризничать так и не научилась. Была с мужем равна, покладиста и улыбчива. И все у них было хорошо, замечательно просто...

Пока не подкрался февраль.

Однажды Влад посадил ее рядом с собой, проговорил хмуро:

– Мне надо с тобой поговорить, Таечка...

– Давай. Что-то случилось, да?

– Нет, ничего не случилось. Просто... Я тебе сейчас одну историю расскажу, а ты слушай и молчи, договорились?

– Да, конечно... Рассказывай...

Тогда он ей очень сухо про этот день рассказал. В общих чертах. Рассказ и пяти минут не занял. Она не перебивала, никаких вопросов не задавала. Видела, с каким трудом он выталкивает из себя слова. И только когда он закончил, вздохнула тихо:

– Да, я понимаю... Понимаю, что вам с подругой пришлось пережить...

– Ее зовут Марго, Таечка. Она любит, чтобы ее так называли. Мы с ней теперь видимся в этот день обязательно. Пятнадцатое февраля – это такая традиция незыблемая... Что бы ни произошло, мы должны в этот день увидеться. Это особенный день... Понимаешь?

– Да, Влад, я понимаю. Я все понимаю...

– Вот и хорошо, что понимаешь. Тогда у меня к тебе будет большая просьба... Пятнадцатого я не могу быть дома, слишком много дел на работе, и потому ты уж как-нибудь сама... Сможешь накрыть стол для гостей к вечеру? Марго обычно с мужем приходит, с Филиппом... Может, и детей с собой возьмут, не знаю...

– Да, конечно, я смогу, о чем ты! Не беспокойся, я все сделаю по высшему разряду!

– А высшего разряда как раз и не надо, Таечка. Надо пельмени сделать. Марго любит домашние пельмени... И это тоже что-то вроде традиции, понимаешь?

– Да. Я все поняла, Влад. Я все сделаю.

– Ну вот и умница... Давай, не подведи.

Как она тогда мимо ушей пропустила этот момент про пельмени! Влад же сказал – домашние... Вот она и купила в супермаркете два больших пакета «Домашних»... Ей в голову не пришло, что их надо руками лепить!

В общем, опозорилась и Влада подвела. Откуда она могла тогда знать, что Марго посредством домашних пельменей так самоутверждается? То есть таким образом Влад демонстрирует ей свою память о том дне, свою вечную благодарность...

Если на посторонний взгляд – бред какой-то, на самом деле. Зигмунд Фрейд на пару с Густавом Юнгом курят в сторонке. Подумаешь, пельмени какие-то!

Но это их дело, в конце концов. Дело Маргоши и Влада. Но было еще что-то в тех посиделках пятнадцатого февраля... Слишком уж неуютно она себя чувствовала. Казалось, Маргоша не столько магазинными пельменями недовольна, сколько ей, молодой женой Влада. Хорошо, Влад постарался сгладить неприятную атмосферу веселым непринужденным голосом:

– Маргоша, прости! Будь снисходительна! Это я Таечке неправильно все объяснил! Она исправится, честное слово!

– Да я не сомневаюсь, что ты... Конечно, исправится. Я надеюсь. У нее целый год впереди...

Тая даже глаз поднимать на эту Марго не стала. Сидела, злилась тихо – вот ведь какая фифа, посмотрите-ка на нее!

Дались ей эти пельмени, ну глупо же так явно внимания к себе требовать! Вон, и без того стол от деликатесов ломится... Чего капризничать-то? И что это за символ принципиальности – пельмени дурацкие? Изволь, мол, дорогой Влад, сидеть полдня и пельмени для меня лепить ручками? Я так хочу, и все тут? Я твоя подруга-спасительница?

А еще ей было жалко немного Влада. Показалось, будто он перед этой Марго заискивает. Впервые видела его таким... В себе неуверенным. И не знала тогда, что это еще цветочки, что все ягодки, то есть отголоски той давней трагедии, ждут ее впереди...

И вот уже третий февраль ее замужней жизни идет. Сегодня пятнадцатое, сегодня опять нервные посиделки. И опять эти пельмени, черт бы их побрал...

– Ну, что ты задумалась так? – тихо спросил Влад, глянув на нее осторожно. – Не нравится тебе все это, да?

– Что не нравится?

– Да вечер этот с Маргошей... И пельмени лепить не нравится. Я же все вижу, Таечка, не думай, что я такой дундук бесчувственный.

– Нет, ты не дундук. Просто мне иногда кажется, что ты мне что-то не договариваешь, Влад. Не все рассказываешь.

– Что ты имеешь в виду, не понял?

– Ну, про ваши отношения с Маргошей не все рассказываешь...

– С ума сошла! Ревнуешь, что ли?

– Нет, не в том дело. Просто я чувствую в тебе еще какую-то неизжитую боль, о которой ты молчишь. Да, есть чувство вины, есть благодарность, похожая на тяжкий крест от того, что Маргоша не дает возможности ее отблагодарить, это я все понимаю... Но есть еще что-то, Влад.

– Что?

– Не знаю... Не могу объяснить. Я ж говорю – боль какая-то неизжитая.

– Может, и есть... Но тебе об этом знать не надо. Не потому, что я тебе не доверяю, а просто не надо, и все. Не бери в голову, Таечка. Тебя это никак не касается, поверь.

– Это твоя тайная территория, на которую ты меня пускать не хочешь?

Влад хмыкнул, замолчал, но ненадолго. Вздыхнув, проговорил чуть насмешливо:

– А тебе так уж необходимо, чтобы никакой тайной территории не было, да?

– Конечно. У меня же нет от тебя никаких тайн. Вот она я, вся перед тобой как на ладони.

– Это просто свойство твоего возраста, моя милая, только и всего. Когда перешагнешь сорокалетний рубеж, и у тебя появится своя тайная территория, на которую ты никого пускать не захочешь. Это природа человеческая так устроена, понимаешь? Все приходит с возрастом, хочешь ты этого или нет. А вообще... Неправильный у нас какой-то разговор начался, не нравится он мне. Еще надумаешь себе бог зна-

ет чего про какие-то там тайны! Нет у меня никаких тайн, и территорий никаких нет, успокойся!

– Да не собираюсь я ничего надумывать... У нас и так все хорошо, правда?

– Конечно, Таечка. Ты чудесная жена, о которой любой мужик может только мечтать. Вот если бы ты еще...

– Ну? Что ты замолчал? Говори. Хотя я знаю, кажется, что ты мне хочешь сказать... Вернее, спросить... Это про ребенка, да?

– Да. Ты знаешь, я очень хочу ребенка.

– Но мы же договаривались, что не будем торопиться... Ты и сам так говорил... Помнишь?

– Да, говорил. А теперь очень хочу.

– Правда?

– Ну конечно! Чего ты на меня смотришь так испуганно?

– Ой, Влад... Я так счастлива сейчас, если б ты знал!

– А раньше что, не была счастлива, да?

– Нет, почему... И раньше тоже... Просто я раньше как-то не до конца верила всему, что со мной произошло... Мне все время казалось, что все может кончиться в одночасье. Что ты придешь однажды домой и скажешь – все, я тебя разлюбил...

– Ничего себе новости! Это что же такое получается? Ты во мне совсем не уверена, да?

– Нет, нет, я уверена! Просто сейчас эта уверенность какую-то силу обрела... Я ведь давно хотела с тобой поговорить... Сказать тебе, как я хочу ребенка...

– Так отчего ж не поговорила?

– Не знаю... Наверное, потому, что эта тема была закрытой... Вернее, не закрытой, а... Необсуждаемой, скорее. То есть ты со мной эту тему не обсуждал, а я боялась даже начать ее обсуждать. Ой, я все не то сейчас говорю, наверное...

– Да все то, Таечка. Все то. Да, моя первая жена была беременной, когда погибла. Ребенок, мой сын, должен был родиться через три месяца. И мне было очень тяжело с этим жить... Знаешь, я очень тебе благодарен, что ты никогда не касалась в разговорах этой темы. Ты очень деликатная, Таечка. Еще мама моя наверняка тебя об этом просила, ведь так?

Тая улыбнулась, пожала плечами. Не знала, что ему ответить. Потому что Нина Аркадьевна действительно провела с ней беседу на эту тему, еще давно... Она до сих пор помнит ее, эту беседу. Почти дословно.

– ...Ты прости меня, Таечка, за то, что я тебе сейчас скажу. Надеюсь, ты поймешь меня правильно. А главное – постарайся не обижаться, договорились?

– Хорошо, Нина Аркадьевна... Я постараюсь.

– Вот и умница, девочка. И сразу оговорюсь – ты мне очень нравишься, я ужасно довольна выбором сына. Он любит тебя. Мне кажется, и ты его тоже любишь... Ведь так?

– Да, Нина Аркадьевна, очень люблю! Уже давно люблю... Но я бы никогда ему в этом не призналась, если бы он сам не...

– Да, да, я все понимаю. Думаю, что из вас получит-

ся крепкая супружеская пара. Только есть одно маленькое «но», совсем маленькое, если посмотреть на него с пониманием...

– Какое «но», Нина Аркадьевна? Я чего-то про Влада не знаю, да?

– Ну, не смотри на меня так испуганно, не надо! Все вполне решаемо, это вопрос времени всего лишь. Я имею в виду ребенка, Тая. Не надо с этим торопиться, надо выждать какое-то время. Как бы это тебе объяснить правильно, не знаю... Просто Владу надо успокоиться, он еще не пришел в себя, хотя четыре года с тех пор прошло... Четыре года назад жена Влада погибла, будучи беременной. Попала под машину на пешеходном переходе. Видимо, какой-то ненормальный сидел за рулем, не остановился на красный свет. Такое чувство, будто он специально это сделал, а потом скрылся... Его так и не нашли. Хотя какое это уже имеет значение – нашли, не нашли... Две жизни уже не вернешь. Хотя мне и сейчас больно об этом говорить, я так внука ждала, надеялась... И к Танечке, жене Влада, я очень хорошо относилась. У меня все еще сердце болит, когда вспоминаю тот трагический день... Понимаешь меня, Таечка?

– Какой ужас, Нина Аркадьевна... Да, я слышала про эту историю, мне сотрудницы на работе рассказывали. Все говорили тогда, что жену Влада убили... Что водитель ехал на красный свет.

– Да, говорили так... Но ведь его все равно не нашли, не

с кого было спрашивать. Да и не о том мы сейчас говорим...

– Да, я все поняла, Нина Аркадьевна. Конечно, мы не будем торопиться... Вернее, я не буду торопиться. И с Владом обсуждать эту тему не буду.

– Умница, девочка, ты все правильно поняла... Но ведь это еще не все, вот в чем дело. У Влада до Танечки еще девушка была, Мариной ее звали. Они собирались пожениться, когда Марина забеременела. А накануне свадьбы Марина погибла... Возвращалась из пригорода от своих родителей, ее выкинули из электрички на полном ходу. Ужасная, ужасная смерть... Прямо рок какой-то. Я не хочу тебя пугать, отнюдь... Просто давай не будем гневить судьбу, просто подождем, договорились? Ты не обиделась на меня, надеюсь?

– Нет, не обиделась, что вы...

– А почему слезы в глазах заблестели?

– Мне... Мне просто Влада жалко... И Таню, и Марину...

Я понимаю, что это просто какая-то дикая случайность, что ко мне это не имеет никакого отношения... Но ведь несправедливо, ужасно несправедливо! Представляю, как Владу больно... И не хочется все это ни с кем обсуждать...

– А и не надо ни с кем обсуждать, Таечка. Надо помалкивать. Просто жить дальше, и все. Со временем Влад и сам заговорит о ребенке, вот увидишь... Я знаю, он очень хочет детей. Ты подожди, он сам заговорит... Это очень важно, чтобы он сам, понимаешь? Не торопи его, хорошо?

– Да. Понимаю, Нина Аркадьевна. Спасибо, что вы со

мной поговорили на эту тему.

– Да. Это будет наша с тобой маленькая тайна. Ни с кем не надо больше обсуждать эту тему, особенно с Маргошей, поняла?

– А кто такая Маргоша?

– А... Так ты не знаешь еще?

– Нет...

– Ну, узнаешь со временем... Влад обязательно тебя с ней познакомит. И сам все объяснит, кто она такая, я уж не буду в эту стезю вмешиваться.

Потом, конечно, она узнала, кто такая Маргоша. И смирилась с ее присутствием в жизни Влада – а куда денешься?

Да и пусть она будет, подумаешь. Особенно теперь... Теперь, когда Влад сам заговорил о ребенке! Уж на эту часть их жизни Маргоша никак не повлияет, в конце концов!

– Чему ты улыбаешься так загадочно, а? – спросил Влад, перекладывая готовые пельмени на деревянную доску. И, не дожидаясь ответа, проговорил удовлетворенно: – Смотри, какая красота у нас с тобой получилась... Просто кулинарный шедевр! Сейчас я их на балкон вынесу, пусть морозцем прихватит... Я помню, родители в нашем детстве говорили, что пельмени должны быть слегка морозцем прихвачены. Якобы это тоже на вкус влияет. Но ерунда, я думаю... Выдумки... Хотя и пусть будет как положено, правда?

– Да, Маргоша будет довольна, не сомневайся...

Она и сама удивилась нотке насмешливости, прозвучав-

шей в собственном голосе. Влад глянул на нее удивленно, и она поторопилась загладить свою оплошность:

– Пусть увидит, как мы для нее старались, я это хотела сказать! Если ей так важно – пусть увидит!

– Да, пусть увидит... Но дело все том, что и мне очень важно, чтобы она увидела... И еще кое о чем я хочу тебя попросить, Таечка...

– Да... Говори, я слушаю.

– Не надо Маргоше ничего говорить про ребенка... То есть про наши планы говорить, хорошо?

– Да я и не собиралась, что ты!

– А я думал, ты спросишь – почему не надо...

– И... почему?

– А это для нее тоже большая тема, вот в чем дело. Я тебе говорил, кажется...

– Да, я помню. После того случая на озере у нее произошло осложнение, она не может иметь детей. Хотя... У них с Филиппом такие замечательные приемные дети! Такие умненькие, такие забавные! Интересно, они сегодня их к нам приведут? Мне бы хотелось увидеть, как они выросли, как изменились...

– Нет... Сегодня они придут без детей. Маргоша звонила днем, сказала, что Тимошу с Катенькой на выходные к матери увезла.

– Жаль... С ними как-то веселее ваша встреча проходит...

– А без них что, совсем грустно?

– Нет, я не это хотела сказать... То есть это мне всегда немного не по себе бывает... Будто я лишняя и вам мешаю...

– Да брось, Таечка! Не выдумывай!

– Да я все понимаю, что ты! Я же знаю, что Маргоша всегда будет присутствовать в твоей жизни, что пятнадцатое февраля будет для нас всегда особенным днем... И вообще, хватит разговоров, время-то вон как бежит! А мне еще стол накрывать надо! И переодеться успеть, и в порядок себя привести... Через полтора часа у нас гости в доме, а мы не готовы! И дел еще всяких невпроворот...

* * *

Они пришли ровно в семь. Тая всегда удивлялась – как это Маргоша с Филиппом подгадывают, чтобы дверной звонок прозвучал минута в минуту? Под дверью, что ли, стоят, выжидают?

Хотя Маргоша не из тех, кто будет стоять под дверью. Она дама решительная. Волевая. Весь облик ее об этом кричит – коня на скаку остановлю, в горящую избу войду! Всем построиться по ранжиру, иначе уже я вас!

Честно сказать, Тая ее слегка побаивалась. Но Влад говорил – зря. Маргоша, мол, широкой души человек, добрая и сердечная. Конечно, у него были основания так говорить, потому что Маргоша ему жизнь спасла. Но ее-то жизнь она не спасала, у нее вполне может быть свое мнение на ее счет!

И даже не мнение, а ощущение свое... Мы ведь человека по внутреннему ощущению воспринимаем, симпатичен он нам или нет. И если уж из этого ощущения исходить... Нет, никогда бы в обычных обстоятельствах Тая не смогла бы с Маргошей подружиться. Обходила бы ее за три версты. Но если уж так эти самые обстоятельства сложились... Приходится дружить, что ж. И симпатию свою всячески выказывать. Не обижать же Влада такими пустяками, правда? Тем более надо вытерпеть эту «дружбу» только один раз в году...

Маргоша вошла, быстро скинула шубу на плечи мужа Филиппа, и тот подхватил ее привычным галантным жестом. И отступил на шаг, предоставив жене право первой поздороваться с хозяевами.

Влад уже стоял, раскинув руки, предлагая Маргоше свои объятия. Она и шагнула в них, и припала головой к его плечу, и руки вдоль тела опустила – вот она я, мол, вся твоя... Обнимай меня сколько хочешь.

Надо сказать, что эта смиренная поза с безвольно висящими вдоль тела руками вовсе Маргоше не шла. Даже смешно выглядела при ее комплекции. Высокая, плотная, с широкими плечами и успевшим образоваться возрастным бугорком на шее, она и впрямь выглядела нелепо, и Тая даже отвернулась, чтобы скрыть свою неловкую улыбку.

А Влад ничего такого, конечно же, не думал. Он обнимал Маргошу так нежно, будто она и впрямь была хрупкой маленькой девочкой, которую нужно защитить этим объятием

от всех бед.

Филипп наклонился, проговорил Тае в самое ухо:

– Не ревнуйте, Таечка, что вы... Со временем привыкнете. Я сам уже пятнадцать лет наблюдаю эту картину, и поверьте, мне даже нравится. Не часто люди относятся друг к другу так трогательно, причем долгие годы... Обычно детская дружба быстро забывается, но здесь не тот случай, надо привыкнуть... Они еще минут пять вот так стоять будут, ничего не поделаешь, Таечка.

– Да с чего вы взяли, что я ревную? – так же тихо ответила Тая. – Я прекрасно все понимаю, не думайте даже... Шубу вот сюда можете повесить, на плечики. Давайте я вам помогу...

– Нет, что вы, я сам!

Филипп пристроил Маргошину шубу в шкаф, повернулся к зеркалу, пятерней провел по волосам, откидывая их назад. Вернее, откинул назад то, что осталось. Тая подумала про себя – вот же привычка выросла в человека, надо же... Наверное, раньше у него очень густая шевелюра была. А теперь... И залысины вон образовались, и волосы такие редкие, что кожа сквозь них просвечивает. Он ведь старше Маргоши, Влад рассказывал? И еще Влад говорил, что Филипп очень любит ее... И делает все, как она хочет. И приемными детьми, Тимошей и Катенькой, в основном Филипп занимается, потому что Маргоша оказалась матерью так себе, по настроению.

Страшно, наверное, когда у тебя такая мать – хочу приласкаю, хочу оттолкну. А может, дети и к такой матери приспособились – все лучше, чем в детдоме расти. Тем более приемный отец таким порядочным оказался – уже плюс.

После первой встречи она пыталась даже заговорить на эту тему с Владом, спросить, почему Маргоша так равнодушна к приемным детям, но Влад не стал ничего конкретного отвечать и даже немного обиделся за Маргошу:

– С чего ты взяла, что она равнодушна к детям? По-твоему, если не сюсюкает с ними каждый миг, то уже и равнодушна? Нет, это совсем не так... Это просто надо характер Маргошин знать... Она просто очень выдержанная, все эмоции в себе держит. Лишними словами не бросается. Никогда и никому свои чувства не демонстрирует.

– Да не знаю я, какой у нее характер! Я просто хотела сказать, что...

– А если не знаешь, то и не делай о человеке никаких выводов. И вообще, не бери в голову... Мы сами как-нибудь разберемся.

Она тогда обиделась немного, но виду не подала. И никаких вопросов больше не задавала. Да и не очень хотелось, в общем... Главное, в этот день Маргошу хорошо встретить, то есть вытерпеть этот визит, и все! А день-то этот раз в году – всего лишь! Разве это так трудно – быть в этот день милой гостеприимной хозяйкой?

Вот и сейчас она повернулась к Филиппу, проговорила с

улыбкой:

– Проходите, прошу вас... Будьте как дома...

– Нет, нет... Давайте немного подождем, Таечка. Видите, нежная встреча еще продолжается... – повел он слегка головой в сторону замерших в одной позе Влада и Маргоши. – По-моему, им зрители нужны, вам так не кажется?

Тая пожала плечами, ничего не ответила. Не захотела участвовать в этой слегка интимной насмешливости. Что-то в ней было такое... Неприятное. Будто Филипп предлагал ей в замочную скважину посмотреть. Станный он какой-то сегодня... Обычно более сдержанным бывает. И молчаливым.

Наконец Маргоша оторвалась от Влада, вздохнула томно. Но на этом «нежности» не закончились. Подняв руки, она взяла голову Влада в свои ладони, притянула к своему лицу, будто собиралась поцеловать в губы. И проговорила тихо, но так, что Филипп с Таей все прекрасно слышали:

– А ты постарел, Владушка... Вон, седина на висках появилась... И я тоже постарела за этот год, правда?

– Да брось... Ничуть ты не постарела. Выглядишь прекрасно. И глаз горит...

– Да постарела, постарела, я знаю. У женщин этот процесс быстрее идет. Тем более я ж не могу себе, как ты, молоденького партнера завести для ощущения полноты жизни! А ты до старости будешь завидным женихом считаться, фактура у тебя такая мужицкая!

Тая мельком глянула на Филиппа – как-то он прореагиро-

вал на сетования Маргоши относительно невозможности завести молоденького партнера? Ему ж неприятно, наверное?

Но лицо Филиппа оставалось прежним. Та же насмешливость, та же легкая улыбка. А может, ей самой слова Маргоши более показались неприятными, чем Филиппу? В самом деле, что это такое – завидным женихом до старости будешь считаться? Влад вовсе никакой не жених, он ее муж законный...

– А пойдем-ка, Маргоша, выпьем за нашу встречу, а? – весело предложил Влад. Наверное, почувствовал, что продолжать эти «нежности» уже не имеет никакого смысла. Мало ли, что еще Маргоша может наговорить обидного – для Филиппа и для нее...

– Пойдем, Владушка, пойдем. Я сегодня напьюсь как свинья, если позволишь. Настроение у меня такое, уж извини. Да, забыла спросить! А пельмени будут?

– А как же! Мы сегодня с Таечкой полдня их лепили! Старались, как могли! Все для тебя, родная!

– Да, вы с Таечкой... А где же наша Таечка? Куда спряталась? А, да вот же она...

Маргоша развернулась, одарила ее улыбкой. Потом шагнула ближе, провела твердой рукой по ее предплечью. Тая хотела поежиться, но сдержалась. Улыбнулась широко, гостеприимно:

– Проходите в гостиную, Марго! Пожалуйста, прошу вас!

– Да уж... И стол накрыт, и щи дымятся... – тихо произнес

Филипп, и снова Тая услышала в его голосе ту самую неприятную нотку насмешливости. Вроде того – я все понимаю, что ж... И все принимаю, и ко всему готов. Потому что это еще цветочки, все ягодки еще впереди, уж я-то знаю...

– Идем, Таечка, идем... – ласково проворковала Маргоша, окутывая ее хищным взглядом. – Какая ты худенькая, изященькая, как статуэтка... Я такой никогда не была, да. С широкой костью уродилась, всю жизнь от этого страдаю. Как ни борюсь с лишним весом, а все без толку! Такая толстуха стала, ужас просто!

Тая только хмыкнула про себя – прямо-таки классическая отговорка про эту широкую кость, ага! Особенно любят так говорить женщины, уважающие те самые домашние пельмени, – у меня просто кость широкая, ага...

– Ты вообще не толстая, Марго! – вежливо отозвался Влад. – Не придумывай, все с тобой нормально! Идем лучше пьянствовать, слышишь?

– Идем, Владушка... Спасибо тебе за добрые слова. Больше ведь ни от кого не дождешься.

Филипп чуть поднял брови, но опять промолчал. Видимо, решил весь вечер помалкивать, как обычно. Не лезть жене под руку. У жены сегодня особенный день.

Дальше все пошло по давно сложившемуся обычаю. Разлили по рюмкам водку – ничего другого сегодня из выпивки не подразумевалось. И спорить было бесполезно – в первый раз, помнится, Тая воспротивилась было, но Влад так на

нее посмотрел... Очень просительно. Не спорь, мол. Я знаю, что ты водку терпеть не можешь, но только сегодня... Сделай для меня исключение.

Влад и Маргоша поднялись со стульев, держа на весу свои рюмки. Первым начал Влад:

– Мы живы, Маргоша...

– Да, Владушка, мы с тобой живы... – тут же подхватила Марго.

– Спасибо тебе за жизнь... – тихо продолжил Влад.

– И тебе спасибо за жизнь, – эхом повторила Маргоша.

– С днем рождения, дорогая... Это наш с тобой общий день рождения.

– И тебя с днем рождения... Мы родились заново, мы будем жить...

Потом они чокнулись, выпили одновременно. Потянулись друг к другу, уперлись лбами, постояли так минуту. Тая с Филиппом тоже выпили – не ставить же наполненные рюмки обратно. По ритуалу не положено.

Да, это был ритуал. Сложившийся годами. Тае ничего не оставалось, как участвовать в нем, соблюдая все нюансы и правила. И ничего страшного, казалось бы, в этом не было...

И все же было что-то... Ужасно неприятное. Она и сама не могла себе объяснить, что это. Но когда Влад и Маргоша стояли вот так, прижавшись лбами... Ей казалось, что они делают что-то непристойное. Будто целуются у них с Филиппом на глазах.

Но надо было терпеть. Они ж не просто так это делают, они второе рождение свое празднуют. Они в этот день спасали друг друга. И до сих пор выясняют с трудом – кто кого на самом деле спасал и чем пожертвовал... И никак до конца выяснить не могут. Несут эти невыясненные вопросы через свою жизнь, как страдание. По крайней мере, Влад точно несет... А Маргоша... Маргоше просто нравится, что он это несет. Тая из этого ритуала такие выводы давно для себя сделала, да...

– А где же пельмени? – садясь наконец за стол, капризно спросила Маргоша. – Самое то закусить холодную водку горячим пельмешком, а?

– Ой, я сейчас... – подхватила из-за стола Тая. – Я ведь воду уже поставила, кипит уже, наверное... Я быстро, я сейчас!

– Сиди, я сам все сделаю! – усадил ее обратно на стул Влад. И добавил тихо на ушко: – Не суетись, расслабься... Я сам, я все сам...

Тая вдруг почувствовала, как пристально смотрит на них Маргоша. Как от ее взгляда не укрылось его заботливое нашептывание – не суетись, расслабься, я сам...

Нет, а чего она хотела, интересно? Что он про все на свете в этот вечер забудет, и даже про то, что у него молодая жена есть? Нет уж, фигурки тебе, дорогая. Не надо так наглеть и напрягаться. У тебя, как бы там ни было со спасением и вторым рождением, есть своя жизнь. А у Влада она своя. И

никто ее отменить не в силах. Даже ты, дорогуша. Вот так-то тебе, получи!

И все же Тая сама умчалась на кухню, успев одарить Влада благодарной улыбкой. Кухня – это ж прерогатива хозяйки, не надо на нее покушаться. Быстренько засыпала в кипящую воду успевшие подмерзнуть пельмени, бросила щепотку соли, лаврушку, несколько горошин черного перца... И услышала за спиной голос Маргоши:

– Помощь не нужна, Таечка?

– Нет... – обернулась от плиты, успев надеть вежливую улыбку на лицо.

Нет, и в самом деле, чего приперлась? Ты же к Владу пришла, вот и сиди с ним... Окунайся в горестные воспоминания. Жди, когда тебе твои вожделенные пельмешки под нос поставят.

– Ты извини, что я сюда пришла, что под руку лезу. Но я просто спросить у тебя хочу, Таечка... Ты что, беременна? Или мне показалось?

Тая глянула на нее удивленно – неужели и впрямь специально на кухню потащилась, чтобы этот вопрос выяснить? Вот странная какая, ей-богу! Да какое ей дело, беременная она или нет! В какую-то секунду захотелось даже соврать – да, мол, беременная, а что, разве нельзя?

Наверное, эта самая секунда и сыграла с ней злую шутку. То есть Маргоша подумала, будто Тая замешкалась, не зная, что ответить... Или ей есть что скрывать... Пауза вдруг об-

разовалась весьма подозрительная.

– Ну, я так и знала... – вдруг тихо произнесла Маргоша, и Тая поежилась от ее голоса, сама не понимая почему. Будто какая-то обреченность прозвучала в этом голосе тихой болью.

Тая снова обернулась... И впрямь, странное дело! Лицо Маргоши так изменилось, будто она действительно испытывала сильную физическую боль. Что это с ней? Приступ какой-то неожиданный?

– Что с вами, Марго? – спросила Тая испуганно. – Вам плохо?

– Нет... С чего ты взяла? Мне очень даже хорошо. И я рада за тебя... И за Влада рада... Кого ждете? Мальчика? Девочку?

– Да никого мы не ждем... Что вы...

– Да не надо от меня ничего скрывать, Таечка, я же свой человек! Хотя... Я понимаю твои опасения, да. Говорят, об этом надо молчать до поры до времени...

– Но мне нечего скрывать, Марго! Честное слово!

– Так ты не беременна?

– Нет, говорю же!

– А почему Влад так... Так носится с тобой сегодня? Вон, даже со стула подскочил, хотел сам идти пельмени варить... Уж поверь, я его очень хорошо знаю! Просто так он бы не стал прыгать!

– Да он просто хотел мне помочь... Что в этом такого, не

понимаю?

– Ну да, ну да... Просто хотел помочь...

– Да, просто хотел помочь! И не более того!

Тая вдруг поймала себя на мысли, что почему-то оправдывается перед Маргошей за Влада. Но почему, почему она должна перед ней оправдываться? Кто она такая, в конце концов?

Хорошо, что Маргоша повернулась и вышла, словно услышала ее сердитые мысли. Тае иногда действительно казалось, что она их слышит... Чертовщина какая-то, ей-богу. А если бы она и в самом деле была в положении? Что, врать бы пришлось? Оправдываться, изворачиваться? Да с какой стати, господи?

Застольная беседа была в полном разгаре, когда она принесла и поставила на стол исходящее вкусным паром блюдо с пельменями. Было даже обидно немного, что Маргоша не обратила на это внимания, ведь она так вожделела этих пельменей!

Хотя... Нисколько она их не вожделела, это ж понятно. Для нее сам процесс был важен, чтобы Влад исполнил ее прихоть. Вот он подхватил ее тарелку, положил в нее пельмени, подвинул тарелку к Маргоше... А она опять – ноль внимания. Говорит и говорит без умолку, не остановишь.

– А помнишь Любку Самсонову из нашего класса, Влад? Ну, беленькая такая, с косой? Невзрачная такая девчонка?

– Ну, помню... И что?

– А то! Я недавно к тетке в наш поселок ездила и там встретила Любкину мать! Любка-то наша теперь в Америке живет, представляешь? Тихоня тихоней, а судьбу сама себе сотворила, своими руками! Долго искала американского жениха через сайт знакомств и нашла-таки... Крутой какой-то мэн оказался. Небедный. Любка теперь живет с ним в Калифорнии, как сыр в масле катается. Счастливая, что ж... В Калифорнию и я бы уехала...

– И чего ты там забыла, Маргош? – хохотнул Влад, наливая ей в рюмку новую порцию водки. – Ничего там хорошего нет, по-моему. Те же леса, та же природа, как и у нас...

– Да при чем тут леса и природа! Это же Америка, как ты не понимаешь! Там все другое, там жизнь другая... Это мы тут живем в дерьме... Это я не про тебя сейчас говорю, у тебя-то как раз все в шоколаде! Это я про себя...

Тая осторожно глянула на Филиппа – как ему такие высказывания жены, интересно?

Оказалось – никак. Филипп сосредоточенно угощался деликатесами, казалось, он вообще ничего не слышит. А может, делает вид, что не слышит. А впрочем, это его выбор... И неплохой, кстати. Мало ли чего там несет слегка подвыпившая супруга? Вон, опять рюмку в руках держит...

– Давай выпьем, Владушка! За тебя! За то, что у тебя все хорошо в жизни! И дай тебе бог счастья и здоровья и всяческого благополучия... Ты же знаешь, как я к тебе отношусь, Владушка. Как от души всего этого тебе желаю.

– Да, Маргоша, знаю... И я к тебе так же трогательно отношусь... Вот если бы ты еще разрешила мне как-то... Что-то для тебя сделать, Маргоша... Хочешь, я тебя в Америку отправлю на отдых? В Майами хочешь? Вместе с Филиппом, с детьми...

– А вот этого не надо, и не начинай даже! Ты ведь знаешь прекрасно, что я ничего от тебя не возьму!

– Но почему, Маргоша? Почему?

– Потому что моя жизнь – дерьмо. Вот почему. И дерьмом останется, как ее ни разукрашивай. И даже вместе с поездкой в Майами она все равно дерьмом останется, вот в чем дело. Ты же понимаешь сейчас, о чем я говорю, правда?

Влад виновато глянул на Филиппа, но тот даже не поднял глаз от тарелки. Сосредоточенно пытался разделать омары ножом и вилкой. А может, и впрямь не вникал в их странный разговор... Чего в него вникать лишний раз? Он же всегда один и тот же – из года в год. В разных вариациях, но все равно один и тот же.

– Зря ты так, Марго... Не понимаю я твоей этой упертости, хоть убей. Вот у меня сейчас мысль одна возникла... А давайте махнем семьями на майские праздники куда-нибудь? Как ты на это смотришь, Маргоша?

– Хм... За твой счет махнем, ты это сейчас имеешь в виду?

– Ну да...

– Нет. Никуда мы не махнем, Влад. Не предлагай даже.

– Но почему?

– Потому. Во-первых, не надо нарушать нашу традицию – видаться один раз в год в этот роковой для нас день... А во-вторых... Не надо мне от тебя ничего... Ничего материального. Как хочешь этот мой каприз рассматривай, но я так хочу, и все. Не надо от меня ничем откупаться.

– Господи, Марго... Да почему откупаться-то? Это ж обыкновенное проявление благодарности...

– Вот именно – благодарности. А мне не надо никакой благодарности, как ты это не понимаешь, Владушка? Не надо, и все!

– А знаешь, как это называется, Марго?

– И как же?

– Гордыней это называется. Обыкновенной гордыней.

– Ну, пусть так... Давай лучше выпьем, Владушка, что мы опять о какой-то ерунде говорим...

– Что ж, давай.

– Я ж тебе обещала – напьюсь сегодня, как свинья. О, и пельмешки уже подоспели, смотри-ка... – удивленно глянула в свою тарелку Марго, только сейчас обнаружив в ней свой принципиальный «каприз». – Сейчас мы водочку пельмешком закусим, душеньку ублажим... Помнишь, как наши родители раньше за столом собирались, пельмени эти лепили? Как твой отец с моим дружил... А теперь сидят там, на небесах, смотрят на нас с тобой... А как твоя мама поживает, кстати? Я давно ее не видела... Раньше она к моей матери

часто в гости приезжала, а потом как-то перестала... Не знаешь, какая черная кошка меж ними пробежала?

– Не знаю... Не спрашивал как-то. Может, маме ездить стало далеко... Она же в новую квартиру переехала... Не каждый раз соберешься.

– Да, я знаю, ты маме квартиру купил... Ты добрый, Влад. Ты хороший сын. А я плохая дочь, да... Все время мы с матерью собачимся, вечно она чем-то недовольна. Сейчас вот не нравится ей, как я детей воспитываю... Вот скажи, чего она в мою жизнь лезет, а? Какого черта?

– Она же мать, Маргоша... Мы всегда для своих родителей детьми остаемся.

– Ну, Владушка, перестань... Не будешь же ты меня сейчас воспитывать, правда? Ты же знаешь, я сама кого хошь воспитаю... Давай лучше еще по одной выпьем...

– Давай чуть позже, ладно? Ты не против, если я на балкон выйду, освежусь немного? Да и покурить бы хотелось...

– О! А я с тобой пойду! Я тоже курить хочу!

– Ты же не куришь, Марго...

– Да, не курю... Но сегодня мне все можно! Сегодня мой день, понимаешь? Вернее, наш с тобой день... Принеси-ка мне лучше шубу, сегодня холодно! Пойдем с тобой, покурим! И посекретничаем заодно...

Маргоша с Владом ушли, Тая и Филипп остались сидеть за столом. Филипп взял салфетку, тщательно вытер губы и руки, потом положил их перед собой, глянул на Таю с вызо-

вом – давай пообщаемся, мол? Что нам еще остается?

Общаться Тае не хотелось, но ведь и сказать об этом напрямую нельзя, все же она хозяйка и должна быть вежливой и гостеприимной. И она ничего более не придумала, как и быть хозяйкой – то есть встала со стула и с озабоченным видом начала собирать грязные тарелки со стола.

– Оставь, Таечка... – услышала она вкрадчивый голос Филиппа. – Оставь... Включи лучше музыку какую-нибудь, что ж мы без музыки сидим?

– Хорошо, как скажете... Что вам поставить? Вон сколько дисков...

– Я Стинга люблю. А ты?

Тая пожалала плечами, но быстро нашла нужный диск, и вскоре гостиная наполнилась тревожными чувственными звуками. Ей самой такая музыка не очень нравилась, казалась немного депрессивной, но что поделать? Желание гостя – закон.

– А пойдем танцевать, Таечка? – неожиданно предложил Филипп. – Ты как, не откажешь старому дяденьке, если он тебя пригласит?

Тая снова растерялась – танцы обычно не входили в программу этого дня. Странные застольные беседы – да, капризы Марго – в обязательном порядке, никогда ей не нравившееся смирение Влада перед Марго – тоже... Но танцы? Это было что-то новенькое.

Но опять – как гостю откажешь? Придется идти танце-

вать...

Руки у Филиппа были сильными, пальцы довольно цепкими. Так ухватил ее за талию – не увернешься. Еще и музыка эта... Такая медленная и тягучая, и получается, будто они вообще под нее не танцуют, а стоят на месте и обнимаются. Как это неприятно все, однако!

– А признайся-ка мне честно, Таечка... Тебе ведь ужасно все это не нравится, правда?

– Что не нравится? Не понимаю...

– Да этот наш ежегодный визит не нравится. И то, как общается твой муж с Марго, тоже не нравится. Да и сама Марго...

– Ну что вы, Филипп... Вы с Марго друзья моего мужа, а значит, и мои друзья. Что значит, нравится или не нравится?

– То есть ты хочешь сказать, что мы с Марго вынуждены тебе нравиться, да?

Вот привязался, а? Что ему надо от нее вообще? Она же все делает, как он хочет... Попросил Стинга – она диск поставила. Пригласил танцевать – пошла... Еще и откровенно задушевных разговоров ему подавай, что ли?

– Я думаю, ты просто своего мужа ревнуешь к Марго, Таечка. Банально ревнуешь. Не привыкла еще к их странным отношениям. Ничего, привыкнешь со временем.

– А вы? Ревнуете? Или уже привыкли?

– Хм... Вопрос интересный, конечно. Только... Почему ты ко мне на «вы» обращаешься? Я что, такой старый, да?

Тая замолчала неловко, не зная, что ответить. Вот если можно было бы правду сказать – да, мол, старый, и не только старый, но еще и неинтересный ничуть! А еще... Жалкий какой-то! Жена у него бог знает что вытворяет, а он помалкивает и никак ее не останавливает, будто так и надо! Но ведь прямо в лоб не ответишь... Придется выворачиваться как-то, выдавливать из себя вежливость. И хватит с него этой вежливости, а то ишь чего захотел – на панибратское «ты» перейти!

– Простите за нескромный вопрос, Филипп... А сколько вам лет?

– Ну отчего же нескромный? Я же не дама, чтобы скрывать свой возраст. Мне скоро полтинник стукнет, юбилей на носу... Но ты на мой вопрос не ответила, Таечка.

– А какой был вопрос, не поняла? Ревную ли я Влада к Марго?

– Ну, пусть будет так...

– Нет. Не ревную. Совсем не ревную.

– И зря, Таечка, зря... По-моему, у тебя для этого есть куча поводов. Хочешь, обсудим этот щекотливый вопрос?

– Нет. Не хочу.

– А ты не торопись отказываться, не торопись... Тем более я не предлагаю тебе его прямо здесь и сейчас обсуждать.

– А где же тогда?

– Ну, не знаю... Где-нибудь в другом месте. Мне бы очень хотелось с тобой встретиться и поговорить... И все обсу-

дить...

– Нам нечего обсуждать, Филипп. И встречаться мы с вами не будем. Извините, мне надо со стола убрать... Пустите меня, Филипп...

Она вывернулась из его рук, подошла к столу, сердито начала собирать тарелки. Чуть не уронила одну из них, буквально на лету подхватила. Даже руки от возмущения тряслись – вот наглый какой, а? Она так доверчиво танцевать с ним пошла, а он – давай встретимся! Ничего себе, дяденька под полтинник, друг семьи...

– Ты неправильно поняла меня, Таечка... – возник откуда-то сбоку голос Филиппа. – Ты все неправильно поняла!

– Филипп, я прошу вас, пожалуйста! Не надо больше ничего говорить.

– Да я же не то хотел сказать... Ты почему бог знает что обо мне подумала? Я же просто поговорить с тобой хотел, в другой обстановке, более спокойной... Предостеречь кое о чем хотел, по-дружески... Ты очень симпатична мне, Таечка, и потому... Я не хочу, чтобы ты... Ну посмотри на меня, Таечка, почему ты все время отворачиваешься! У меня и в мыслях ничего нет дурного, уверяю тебя!

– Нет! – обернулась она к нему довольно резко. – Не буду я с вами встречаться, и не надо меня ни о чем предостерегать, и помогать мне не надо! У меня все хорошо, я ни в чьей помощи не нуждаюсь! И дайте мне пройти, иначе я сейчас уроню тарелки вам на ноги!

На кухне одна из тарелок все же грохнулась на пол, и от звона разбившегося фарфора она пришла в себя. Нет, чего так запсиховала-то, в самом деле? Подумаешь, подвыпил дяденька, полез со всякими глупостями... Предостеречь он ее хочет, ага! Знаем мы все ваши предостережения, не смешите!

Из гостиной уже были слышны голоса Марго и Влада, вернувшихся с балкона. Тая сбросила тарелки в раковину, поспешила туда...

Марго была совсем пьяной. Не села на стул, а упала, и Влад слегка дернулся, будто испугался, что она и со стула может упасть. А Марго уже привычно командовала плывущим голосом:

– Давай выпьем, Влад! Садись, наливай мне! И себе тоже! У меня есть тост! Ссссейчас сскажу...

Филипп сидел молча за столом, на жену не глядел. Тая тоже старалась не глядеть на Марго – зачем? Зрелище просто отвратительное. Как она свой тост собирается произнести, если язык заплетается?

Вместо тоста Марго вдруг заплакала, и Влад глядел на нее растерянно, не зная, что предпринять. А Маргоша выкрикнула сквозь пьяные слезы с обидой:

– Ты врешь мне, я знаю, ты мне все врешь! Ты... Ты меня не уважаешь, ты тяготишься этим днем, я знаю! И все время мне врешь, врешь... Я прихожу к тебе пятнадцатого февраля, а ты... Ты вообще этого не хочешь... Ты врешь, врешь...

Потому что ты сволочь, понял? Сволочь, сволочь...

Плач ее все нарастал, грозясь перерасти в истерику. Вот Марго вобрала в себя воздух со всхлипом и почти прокричала на выдохе:

– Я тебя не-на-ви-жу! Я знаю, что ты мне все врешь, понял? И ты меня... Ты меня тоже ненавидишь, я знаю! В душе ненавидишь и тяготишься, что я... Что ты...

– О-о-о, все... Нам пора домой, ребята... – деловито поднялся со стула Филипп. – Вечер перестает быть томным и близится к завершению. Влад, вызови такси... Нет, не надо, не подходи к ней, я сам! Теперь я уж сам...

Он ловко подхватил Марго, помог подняться со стула. Тая даже удивилась, с какой непринужденной элегантностью он это сделал. Наверное, насобачился уже, бедненький... Желнушка в гостях любит поддать от души, а он, стало быть, за доставку пьяного тела домой отвечает. И в прихожей так ловко на нее шубу надел, приговаривая тихо на ухо, как ребенку:

– Сейчас, Маргоша, сейчас... Сейчас мы домой поедem, все будет хорошо... Потерпи, моя милая... Дай ногу, я ботинок надену. Молодец, теперь другую дай...

Они с Владом стояли в прихожей как неприкаянные, наблюдали невольно эту сцену. Влад все порывался помочь Филиппу, но тот его отстранял повелительным жестом – не надо, я сам! Тае даже показалось, что он слегка злится. Мол, кончилась твоя власть на сегодня, не лезь! Теперь это моя жена, и только...

Когда за гостями закрылась дверь, Тае показалось, будто Влад выдохнул с облегчением. А может, и впрямь так было... Может, и была в пьяных обвинениях Маргоши своя сермяжная правда?

– Устал? – спросила она его тихо. – Хочешь, я тебе крепкого чаю сделаю? С лимоном?

– Хочу... – улыбнулся ей Влад.

– Тогда пойдем на кухню. И я с тобой чаю попью. Я тоже чего-то устала сегодня. Первый раз Маргошу такой видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.